

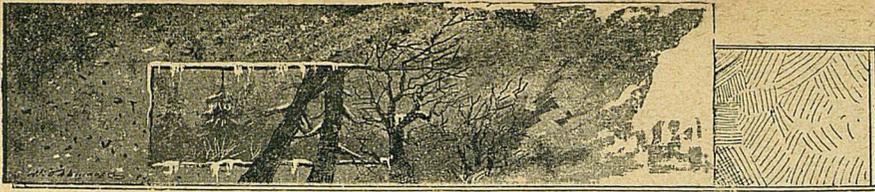
Звѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 4.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Вкусная штука молоко,—
да достать его не легко.

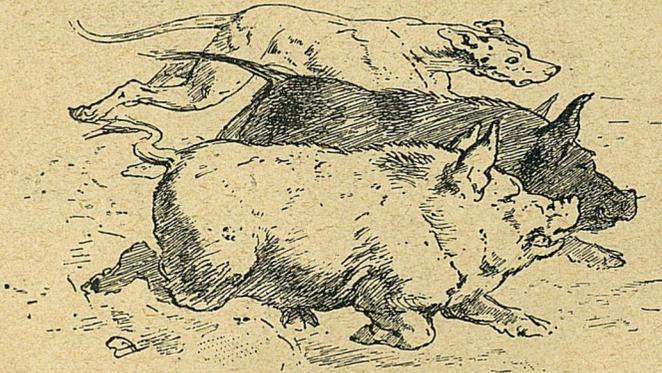

Чушка.

(Съ рис. Николаевского.)

I.

Чушка—это былъ поросенокъ, — маленькій, бѣленькій, прехорошенькій. У насъ въ имѣнїи много водилось свиней и поросятъ, но такого еще не бывало. Вы, можетъ, не повѣрите, но это былъ самый понятливый, самый умный изъ поросятъ.

Умъ за нимъ признавали даже и взрослые.

Мама привезла Чушку съ выставки животноводства изъ Харькова. Всѣ любовались имъ, всѣ восхищались. Всѣмъ нравились его подвижныя уши, прозрачныя и розовыя, какъ платье моей сестры Оли. Всѣ хвалили огромный пяточокъ на носу Чушки и шишку на лбу.

Тетя Варюша, которая очень любила всякихъ животныхъ, пришла отъ поросенка въ восторгъ и всегда говорила:—„Это будетъ породистая свинья“.

Наша милая, добрая тетя Варюша дѣйстви-тельно любила животныхъ: она даже не ѣла никакого мяса и была „вегетарианка“,—такъ называли ее папа и мама.

Раньше мы никогда не играли съ поросятами. Но Чушка былъ особенный: чистенькій, бѣлый, какъ сливки, съ веселой мордочкой. Изъ рта у него торчали два маленькихъ зуба, а хвостъ завертывался въ колечко. При видѣ его всегда хотѣлось приласкать, погладить его, поиграть и подразнить. Но когда мы, дѣти, впятеромъ за нимъ гонялись,—онъ то хрюкалъ, то взвизгивалъ, стараясь спастись отъ нашихъ преслѣдованій. Остановившись вдали отъ насъ гдѣ-нибудь около забора, онъ взглядывалъ на насъ, повернувъ на-бокъ голову. И намъ казалось, что онъ хочетъ сказать: „Вѣдь я не щенокъ Кудлашка, чтобы со мной играть и бѣгать безъ передышки; вѣдь я—поросенокъ и не люблю играть съ дѣтьми“.

Эту фразу вмѣсто Чушки намъ сказала Оля. И когда Чушка поворачивалъ на-бокъ голову и смотрѣлъ на насъ издали понятно

и задорно, намъ всегда казалось, что онъ думаетъ именно это.

Однажды братъ Витя поймалъ Чушку, и мы всѣ наперерывъ бросились, чтобы погладить его и приласкать... Но противный поросенокъ поднялъ такой ужасный пронзительный визгъ, что изъ дому выбѣжали мама и тетя Варюша узнать, въ чемъ дѣло,—и пришлось его поскорѣе отпустить.

Нашъ маленькій братъ Павлуша стоялъ посреди двора, перепуганный, и, растопыривъ ручонки, говорилъ дрожащимъ голосомъ:— „Киса пачеть“. Это означало: „киса плачетъ“. Онъ всѣхъ маленькихъ животныхъ называлъ „кисами“.

— Совсѣмъ твоя „киса“ не плакала, а визжала, какъ зарѣзанная. Глупый поросенокъ!—сердито ворчалъ Витя.

— Что вы ему сдѣлали?—допытывалась мама.

— Ничего ему не сдѣлали... Взяли только на руки и хотѣли погладить,—хоромъ отвѣчали мы.

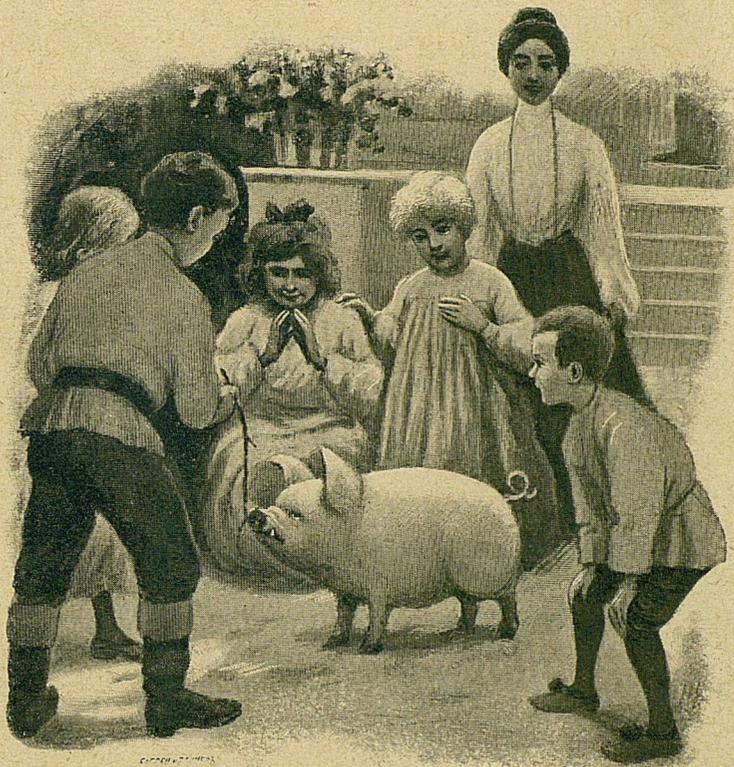
— Оставьте вы его въ покоѣ. Житья ему нѣтъ отъ васъ,—сказала мама.

— Ну и не станемъ съ нимъ играть... Такой глухой,—визжить... убѣгаетъ... Точно его

бьютъ. Знать его не хотимъ, — угрожали мы, не на шутку разсердившись на Чушку.

Однако, исполнить эти угрозы было гораздо труднѣе, чѣмъ сказать.

Впрочемъ, скоро все измѣнилось, и поросе-

нокъ нашъ былъ побѣжденъ. Побѣдила его тетя Варюша, какъ и всѣхъ животныхъ въ нашемъ имѣннн... Папа всегда говорилъ, что тетя Варюша побѣждаетъ лаской и добрымъ словомъ не только людей, но и животныхъ.

Однажды мы,—три дѣвочки—Оля, Ира и я,—увидѣли такую картину: на дворѣ на травѣ вверху лапками лежалъ нашъ Чушка, тетя Варюша присѣла около него, возилась съ нимъ, играла, хлопала его по толстеннымъ бокамъ, а онъ тихонько похрюкивалъ.

Только - что мы подошли къ нимъ, какъ поросенокъ взвизгнулъ и убѣжалъ; вдали только замелькалъ его хвостикъ крючкомъ.

— Тетя Варюша, отчего Чушка отъ насъ бѣгаетъ?—со слезами въ голосъ спрашивала Ира.

— Не знаю, мои друзья... Навѣрно, онъ еще съ вами не познакомился хорошенько.

— Отчего же онъ съ тобой познакомился и уже любить тебя?—допытывалась Оля.

— Оттого, что мы съ нимъ поговорили по душѣ, и я ему сказала, что никогда не буду дразнить и обижать его,—отвѣтила тетя Варюша и улыбнулась доброй, милой улыбкой.

— А развѣ мы его дразнимъ, обижаемъ?.. Мы только хотимъ поиграть съ нимъ.

— Вотъ вы ему это и объясните...

— Да вѣдь онъ насъ слушать не хочетъ... Вѣдь это же обидно! Съ тобой нѣжничаетъ, а отъ насъ бѣгаетъ... Несправедливый Чушка!

А виновникъ нашего огорченія стоялъ вдали

въ той позѣ, которая намъ ужасно нравилась: повернувъ на-бокъ голову и искоса посматривая на насъ. Тетя Варюша погрозила ему и сказала намъ шутливо:

— Подождите, мои милые, я съ нимъ поговорю объ этомъ дѣлѣ и пристыжу его. Можетъ, онъ и согласится не убѣгать отъ васъ и играть съ вами.

Мы всѣ повисли у тети на шеѣ и стали наперерывъ ее цѣловать.

Клавдія Лукашевичъ.

(До слѣдующей книжки).

* * *

Только батя—со двора,
 Разгулялась дѣтвора,
 Не удержишь силой...
 Плачетъ скрипка скрипача,
 Пилить тотъ смычкомъ сплеча,
 Чтобъ занятнѣй было...

А другіе малыши
 Пляшутъ—вотъ какъ, отъ души,
 Поль грозить
 сломиться...

Не грѣшно въ досужій часъ
 Вмѣсто ссоръ въ веселый
 плясъ,
 Все забывъ, пуститься!..

Р. О.

Разгулялась дѣтвора!..

Тостикица „дсекхий листъ“.

(Спенка П. Келлера).

Дѣйствіе происходитъ въ кучѣ сухихъ листьевъ, около кладбищенской ограды. Черезъ коричневые и красные листья, какъ черезъ разноцвѣтныя окна, проникаютъ внутрь солнечныя лучи. Въ гостиницѣ квартируютъ: Жукъ, Муха, Улитка, Гусеница; потомъ появляются еще: Паукъ и Осенній вѣтеръ.

Жукъ. (*Мечтательно*). Итакъ, давайте спать! Какъ красивъ этотъ красноватый отблескъ! Знаете, я разъ залетѣлъ въ домъ къ людямъ и видѣлъ тамъ въ одной изъ комнатъ розовый фонарь; но, право, освѣщеніе было не лучше нашего.

Муха. (*Ворчливо про себя*). Болванъ! Лучше бы ужъ помолчалъ! Точно не знаетъ, что люди придумали фонари, чтобы заманивать насъ и жечь намъ крылья (*Къ улиткѣ*.) Развѣ не правда, сосѣдка?

Улитка. (*Гордо*). Я вамъ не сосѣдка!.. (*Къ гусеницѣ*.) Ужасное общество въ этой гостиницѣ! Просто противно почевать съ подобными господами подъ одной крышей.

Гусеница. (*Вздыхая*). Совершенно вѣрно; но что дѣлать! Всюду все занято! На эти противныя грязныя листья я, конечно, не лягу, а завернусь въ свой коконъ.

Улитка. А я удалюсь въ свою палатку, которую, къ счастью, всегда имѣю при себѣ, и ужъ, конечно, покрѣпче запру двери!..

Муха. (*Шепотомъ*). Туда же, уродъ, носъ задираетъ.

Гусеница. Но знаете, — жукъ мнѣ нравится... Въ немъ, право, есть что-то благородное... Онъ похожъ на принца.

Улитка (*Льнивымъ голосомъ*). Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до жуковъ и принцевъ. Совершенно безразлично (*Зъваетъ*). Ахъ, я такъ устала! Съ мѣста трогаться не хочется, а то бы я здѣсь ни за что не осталась: тѣсно, душно!

Гусеница (*Указывая на муху*). Нѣтъ, вы только посмотрите! Эта особа ложится, въ самомъ дѣлѣ, на самый грязный листъ.

Улитка. Отвратительно! Я не могу выразить, какъ это все мнѣ дѣйствуетъ на нервы! До свиданія, я уйду къ себѣ!

Гусеница. А вы долго думаете проспать?

Улитка (*Томно*). Ну, мѣсяцевъ пять-шесть!.. Спокойной ночи.

Гусеница (*Очень вѣжливо*). Спокойной ночи.

(*Улитка прячется въ свой домикъ*).

Жукъ (*Грустно*). На дворѣ еще свѣтитъ солнце такъ весело! Но уже не грѣетъ. Холодно! Ахъ, лѣто прошло!

(*За оградой раздается пѣніе, потомъ смолкаетъ. Въ листьяхъ наступаетъ полная тишина. Внезапно сверху, въ небольшое отверстие, балансируя на длинной спррой паутинѣ, спускается паукъ*).

Муха (*Взвизывая*). Карауль! Карауль! Паукъ!

Жукъ (*Дрожжа*). Паукъ!.. Это—моя смерть. Все кончено!

Гусеница. (*Волнуясь*). Здѣсь все занято! Слышите? Все занято,—мѣста больше нѣтъ!

Улитка. (*Высовываясь*). Что такое? Что за шумъ?

Муха. (*Визгливо, умоляюще*). Ахъ, ради Бога, ради Бога! Впустите меня къ себѣ въ домъ, госпожа гусеница. Ахъ, пожалуйста! Я такъ боюсь, такъ боюсь пауковъ!

Паукъ. (*Громкимъ голосомъ*). Успокойтесь, трусишки! Я васъ не трону! Я сытъ! (*Насмѣшливо, злобно*). Я сейчасъ очень сытъ. Я хочу здѣсь только вздремнуть. Но кто попробуетъ убѣжать, того я сумѣю словить! Будьте покойны!

Улитка. (*Про себя*). Ну, я къ себѣ никого не пущу! Мнѣ и такъ тѣсно. Вотъ вамъ... (*Закрываетъ дверь*).

Наступаетъ тяжелая тишина. Слышно только, какъ паукъ протягиваетъ нити и скрѣпляетъ узлы, какъ дрожатъ лапки мухи и какъ жукъ тяжело дышитъ. Понемногу, однако, всѣ успокаиваются и уже не обращаютъ вниманія на паука. За оградой, но теперь уже совсѣмъ близко, раздается пѣніе:

Умеръ ребенокъ
Въ осенній день.
Новую вѣсну
Ушелъ онъ встрѣчать...

Гусеница (*Удивленно*). Слышите? Умеръ ребенокъ!

Жукъ (*Съ грустью*). Это было прелестное дитя... Я часто ползалъ по его ручкамъ, а разъ даже запутался въ его золотыхъ волосахъ. Три дня тому назадъ онъ умеръ.

Муха (*Небрежно*). Ну, что же тутъ такого? Зимую онъ проспигъ, какъ мы, а когда настанетъ весна,—опять проснется.

Жукъ. Нѣтъ, онъ не проснется теперь ужъ никогда, никогда. (*Опять наступаетъ тишина. Въ это время паукъ уже окончилъ работу. Засыпая, шепчетъ:*)

Не люблю я дроздовъ, не люблю воробьевъ,—
Ухожу я подальше отъ нихъ.
Въ темнотѣ, въ тишинѣ свои сѣти плету,
Притаившись въ углу, милыхъ мушекъ я жду!

Муха. Слышали? Вы слышали? Весной, когда онъ проснется,— онъ всѣхъ насъ сожретъ.

Гусеница. О, противный сѣрый паукъ будетъ еще спать, когда я проснусь и улечу! Я и васъ разбуду, принцъ. (*Жукъ Молча, съ благодарностью, киваетъ головой*).

Муха (*Умолляюще*). Ахъ, ради Бога, красавица, разбудите и меня! Прошу васъ! Сама я никогда не проснусь!

Гусеница. Съ удовольствіемъ!

Муха (*Облегченно вздыхая*). Ахъ, благодарствуйте! Теперь я могу спокойно уснуть!.. Какъ пріятны и мягки эти перегнившіе листья,—превосходная постель! Мнѣ ужасно хотѣлось бы видѣть во снѣ большую навозную кучу, молоко и сахаръ... (*Засыпая.*) Только, ради Бога, не забудьте меня разбудить...

Гусеница (*Робко*). Принцъ, вы меня не знаете?

Жукъ. Я тебя не знаю, но ты—прекрасна.

Гусеница. Вы находите? Люди говорятъ, —я ужасно некрасива.

Жукъ. Это—неправда! Твое платье отлиываетъ золотомъ, и зеленые волосы похожи на шелкъ... Ты—прекрасна!

Гусеница (*Съ горящими глазами*). А весной я превращусь въ бабочку, и у меня будутъ крылья, какъ у васъ, принцъ.

Жукъ. Ты превратишься въ бабочку, въ бархатной одеждѣ, усыпанной драгоценными камнями? Ты будешь летать? О, тогда мы встрѣтимся въ саду, гдѣ цвѣтутъ розы и лиліи!

Гусеница (*Съ восторгомъ*). И будемъ пить медъ и росу и кружиться въ блескъ горячаго солнца!

Жукъ. Безъ конца!

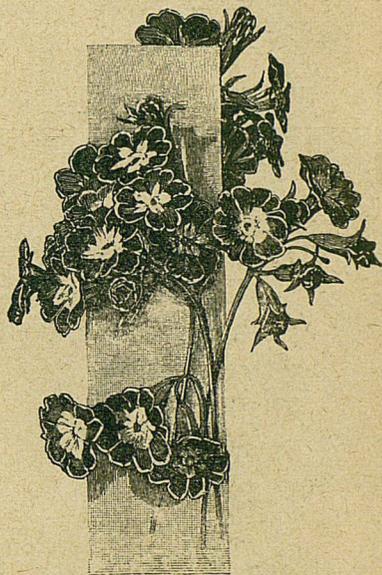
Гусеница. А пока... пока—спокойной ночи, принцъ!

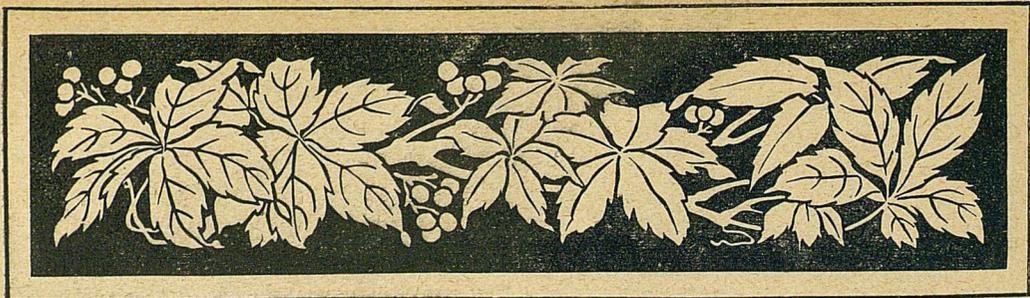
Жукъ. Что ты хочешь дѣлать?

Гусеница. Свое сѣрое рабочее платье хочу я одѣть, чтобы соткать себѣ свадебныя одежды. Дурнушкой вы не должны меня видѣть, принцъ! Мы увидимся тогда, когда расцвѣтутъ розы и лиліи... (*Она зарывается въ листья*).

Жукъ. Одинъ я остался! Пора и на покой! Хорошо! Мнѣ бы хотѣлось увидеть во снѣ милаго, златокудраго ребенка, хотѣлось бы увидеть, что онъ живъ, и услышать его звонкій смѣхъ... Или бабочку и цвѣтушія розы... (*Засыпаетъ*).

Продолжительная пауза. Слышно только легкое мърное дыханіе спящихъ. Къ кучѣ листьевъ приближается вѣрный сторожъ—осенній вѣтеръ. Осторожно онъ проходитъ по всѣмъ корридорамъ и прислушивается у всѣхъ дверей. Убѣдившись, что все спятъ, онъ тихо-тихо удаляется и закрываетъ листьями, какъ ставнями, все маленькіе просвѣты. Наступаетъ полная глубокая тишина.

Свѣтлячокъ.

(Японская народная сказка.)

Въ прежнія времена жилъ-былъ въ цвѣточной чашечкѣ священнаго лотоса крошка-свѣтлячокъ; а лотосъ этотъ росъ на маленькомъ, хорошенькомъ озеркѣ, и хрустальная поверхность этого озера съ любовью отражала и огромные листья, и чудные цвѣты лотосовъ, которыми оно заросло сплошь; а свѣтлячокъ по ночамъ сіялъ на лотосѣ яркой, бриллиантовой звѣздочкой, и лотосъ стоялъ словно въ драгоценной коронѣ.

И много японцевъ сходилось сюда, чтобы полюбоваться этимъ сказочнымъ видомъ, и на много верстъ кругомъ говорили объ этомъ волшебномъ-красивомъ озеркѣ.

Стрекозы, жуки, поразительной величины и окраски бабочки порхали надъ спокойными, величавыми лотосами, перепархивая съ цвѣтка на цвѣтокъ.

И всѣ они сначала дивились на этого малозамѣтнаго свѣтлячка, который былъ такой маленькій и съ виду некрасивый днемъ. Они не могли понять, откуда у него является этотъ огонекъ. Они забыли, что могущественные боги зажгли этотъ огонекъ въ такомъ невзрачномъ съ виду червячкѣ.

И они стали просить свѣтлячка стать ихъ королемъ. Бабочки, мухи, комары, стрекозы,—они почти сплошь облѣпили

блѣдно-розовые, нѣжные лепестки лотоса и все просили свѣтлячка.

— Нѣтъ,—сказаль свѣтлячокъ,—я не въ силахъ принять на себя эту обязанность. Мнѣ тяжело уже то, что всѣ вы собрались вокругъ меня и нарушаете мой покой... Мнѣ хорошо уже то, что я могу свѣтить хоть немного и освѣщать этотъ чудный, добрый лотосъ, который приютилъ меня и не гонить прочь отъ себя...

Тогда всѣ эти жуки, мухи, мушки и бабочки обидѣлись на свѣтлячка. Они надулись и улетѣли отъ него прочь...

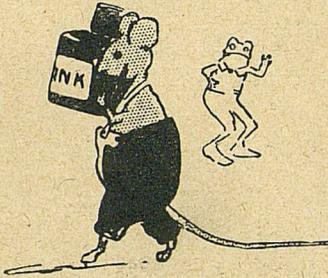
— Негодный червячишка!—всюду жаловались они.—Мы оказали ему такую великую честь, а онъ чуть не прогналъ насъ. И пускай сидитъ на своемъ лотосѣ... И ничего нѣтъ хорошаго ни въ немъ, ни въ этомъ лотосѣ.

А свѣтлячокъ жилъ одинъ и былъ очень доволенъ своей судьбой. И по-прежнему японцы приходили сюда, къ этому тихому озерку, и любовались на спящіе лотосы, озаренные нѣжнымъ, таинственнымъ свѣтомъ Иванова червячка...

И тогда насѣкомыя рѣшились тоже стать свѣтлячками и озарять священные лотосы... Они давно уже видѣли изда-лека на берегу и подъ горой Фуки-Шимо хорошенькія, причудливья фанзы японцевъ, съ ярко освѣщенными окнами, и они рѣшили, что свѣтлячокъ тамъ добылъ свой огонекъ, свою искру небесную... И всей гурьбой они понеслись вперегонку къ освѣщеннымъ фанзамъ, онѣ тучей осыпали разноцвѣтные японскіе фонарики, бросались съ жадностью на огоньки и... падали, падали мертвымъ дождемъ, опаленные пламенемъ...

И до сихъ поръ вечерами японцы видятъ этихъ бабочекъ, мотыльковъ, мошекъ, стрекозъ, которые мчатся на огонь и гибнутъ, гибнуть безъ счету, забывая, что боги опредѣлили каждому его мѣсто и каждаго одѣлили своимъ счастьемъ.

Потѣшная страничка.

Насмѣшливый лягушонокъ.

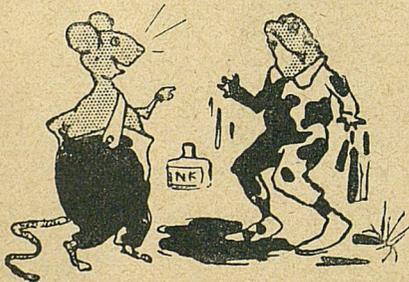
Мышенокъ вздумалъ написать
Однажды повѣсть для журнала
И въ „Свѣтлячокъ“ ее послать,—
Грѣха, само собой, въ томъ мало.
Купилъ онъ баночку чернилъ
И въ норку шествуетъ спокойно,—

Онъ такъ прилеженъ, тихъ и милъ,—
Надъ нимъ смѣяться недостойно.
Но лягушонокъ слишкомъ простъ,
Ему бы только баловаться.
Подкрался—да и цапъ за хвостъ.
Вотъ, не угодно ли съ нимъ знаться...
Мышенокъ въ страхѣ—хвостъ схва-
тилъ,

И расплескались чернила;
Квакунъ одѣтъ чистенько былъ.
И вдругъ себя раскрасилъ мило...
Какъ леопардъ, въ недобрый часъ,

Сталъ лягушонокъ въ черныхъ пят-
нахъ.

И молвить мышь:—„Ужо разкажъ
„Пошлю я въ „Свѣтлячокъ“ о васъ
„Въ стихахъ забавныхъ и занят-
ныхъ!“...“

Лишущая Мышь.